

«Повесть чудна есть, како жена избави мужа своего от смерти» — малоизвестный памятник переходной поры

Проблемы взаимодействия письменности и устного поэтического творчества находятся постоянно в центре внимания исследователей древней русской литературы и фольклористов, тем не менее наши представления о взаимовлиянии названных форм словесного искусства трудно признать полными и исчерпывающими. Это и дает нам право еще раз обратиться к текстам, изучение которых с точки зрения данной темы может показаться небезынтересным.

Во второй половине XVII—начале XVIII в. появляется довольно большое количество произведений, авторы которых более или менее удачно сочетают мотивы и сюжеты западноевропейской прозы с мотивами, сюжетами и поэтикой русского народного творчества (чаще всего сказки). К их числу принадлежат: «Сказание о богатом купце», «Повесть об Аквитане», «Повесть бывшего посольства в португальской земле» и мн. др.¹

В настоящей заметке мы хотели бы обратить внимание еще на один памятник древнерусской письменности, автор которого хорошо знал как западноевропейскую повесть, попавшую на Русь в переводах XVII в., так и русский фольклор. Речь пойдет о произведении, известном в единственном списке 30-х гг. XVIII в. и озаглавленном «Повесть чудна есть, како жена избави мужа своего от смерти» (ГПБ, Ф.XV.34). Содержание Повести вкратце таково: в «некоем царстве» жил богатый и славный купец, который имел очень красивую жену. Купец жил с ней «в совершенном законе и любви», но в некоторое время он отправился с товарами «в другие далние полестины», где встретился со своим земляком, тоже занимающимся торговлей. Оба купца поселяются «на единой кфартере», а слава об их богатстве доходит до короля той страны, который жалует их своей милостью и охотно принимает во дворце. Однажды, придя на свою «кфартеру», купцы начинают разговор о своих женах. Первый из них хвастается красотой и верностью своей супруги, второй же готов с ним биться об заклад, что он «сотворит блуд» с женой товарища и в доказательство измены привезет обручальное кольцо

¹ Ср. наблюдения на эту тему в следующих работах: Белоброва О. А. Сказание о богатом купце // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 259—265; Ромодановская Е. К. Западные сборники и оригинальная русская повесть (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII—начала XVIII в. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 164—174; Malek E. Zum Problem der Aneignung von Sujets und Genres der westeuropäischen Erzählprosa in Russland vom Ende des 17. bis zum ersten Drittel des 18. Jahrhunderts // Gattung und Narration in den älteren slavischen Literaturen (Zweite Berliner Fachtagung 1984). Wiesbaden, 1987. S. 119—132.

с ее пальца. Утром следующего дня купцы отправляются к королю с просьбой быть арбитром в их споре на смерть и жизнь. Король соглашается и купца, похваляющегося своей женой, приказывает посадить в темницу и держать под караулом до возвращения его товарища. Второй из купцов тем временем быстро отправляется в свое царство и с помощью некоей бабы попадает в дом купеческой жены под видом приятеля ее мужа. Во время беседы с купеческой женой мнимый друг начинает обольщать красавицу. Та, разгадав его интригу, притворно соглашается на предложение гостя, но посылает вместо себя в спальню служанку, которую переодевает заблаговременно в свое собственное платье и надевает ей на палец заветное кольцо. Обманщик ни о чем не догадывается и «возляже на постелю», но «не то у него на уме, чтоб сотворити с нею блуд», но как бы «перстень с руки снять и бежать в тое полестину, чтоб поспеть на уреченный день». Желая как можно скорее получить нужное доказательство, он отрезает служанке палец с обручальным кольцом, после чего садится на быстрого коня и уезжает. Странное поведение гостя приводит добродетельную жену купца к заключению, что «у оного купца есть с мужем моим какой залог». Именно поэтому она решается покинуть дом и пойти на выручку своему супругу. Получив от короля своей державы посольскую грамоту и согласие на сбор дани, она переодевается в «златокованные доспехи и драгое платье», берет с собой триста прекрасных девиц, тоже переодетых в воинское платье, и едет в «палестинские грады до короля Измаила» с требованием уплаты «дани и пошлинны». Там узнает все подробности спора и заклада, доказывает свою невинность и спасает мужа от смерти. Король приказывает повесить обманщика, а в честь умной и хитрой женщины устраивает пир, а потом отпускает ее с мужем домой. После возвращения на родину супруги начинают «жить по-прежнему».

О. А. Державина, которая первая обратила внимание на этот интересный памятник, справедливо указала на зависимость сюжета «Повести чудной» от «Повести утешной о купце, который заложился с другим о добродетели жены своей» Б. Будного (восходившей в свою очередь к «Декамерону» Боккаччо), переведенной с польского вместе с фацециями. Как видно из пересказа, автор «Повести чудной» действительно воспользовался текстом Будного, заимствуя оттуда завязку действия в виде заклада купцов о чести жены (в повести Будного бьются об заклад два купца: Викентий из города Еневы и Амбросий из города Пляцентии, здесь два безымянных купца из «некоего царства»), образ бабы-сводни, помогающей обманщику проникнуть в дом добродетельной жены купца (в обеих повестях баба знает благочестивую жену купца и сама придумывает лучшую форму посещения приезжим гостем ее дома), и частично развязку, включающую разоблачение и наказание обманщика, но у него был еще какой-то другой источник, подсказавший ему интересные сюжетные ходы. О. А. Державина заметила, что повесть анонимного автора петровского времени многим обязана русской народной сказке,² не привела, однако, никаких доказательств, подтверждающих эту гипотезу. Более близкое знакомство с этим произведением позволяет мысль Державиной значительно уточнить. На наш взгляд, вторым источником «Повести чудной» были старейшие варианты былин-сказок о Ставре Гоудиновиче, в которых Василиса Микулична выступает в роли

² Державина О. А. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962. С. 76.

грозного посла, приехавшего в стольный град Киев с требованием дани, а Ставр был представлен «с замашками купца» или купца-ростовщика.³

Обратив внимание на явное сходство завязки «Повести утешной о купце» с завязкой былин-сказок о Ставре (напомним, что Ставр, подобно купцу Викентию из повести Будного, поддается провокации и, забыв эпическое правило, запрещающее герою хвастаться, похвальному своим богатством и Василисой Микуличной⁴), а также типологическую близость некоторых других мотивов (например, мотива перемены пола⁵), анонимный создатель «Повести чудной» счел возможным использовать одновременно книжный и фольклорный источники. На их основе он создает совершенно новое, оригинальное произведение, по своему сюжету и идейному звучанию не совпадающее полностью ни с переводной повестью, ни с былинной.

Автор «Повести чудной» поставил в центре своего произведения образ купеческой жены. Из экспозиции мы узнаем, что это была красивая, любящая и верная жена, на те же черты указывает и ее муж, когда говорит своему лукавому товарищу: «Жена моя велми лепа и со мною живяше в любви и совершенном законе, яко нигде такие жены верные не обретаху» (л. 64 об). Но эта исходная характеристика доброй жены, выдержанная в стиле древнерусских книжных повестей, пополняется по ходу развития действия все новыми и новыми элементами. С момента встречи с мнимым другом мужа героиня «Повести чудной» (здесь ее поведение моделируется на основе былинного текста) обнаруживает и «пускает в ход» свои настоящие достоинства — ум, хитрость и ловкость. Именно эти качества помогают ей освободить мужа, а себя очистить от ложных обвинений в измене и, посрамив противника, выиграть за мужа весь заклад.

Благодаря этому «Повесть чудная» — это прежде всего повесть о хитрой жене, способной ловко обмануть соперника своего супруга и выручить его самого. Момент сомнения мужа в верности жены, так сильно звучавший в «Повести утешной», очень смягчается (показательно в этом отношении исключение из числа предметов, которые собирается привезти в качестве довода измены мнимый друг купца, пояса, символизирующего не только верность, но также порядочность и стыдливость женщины⁶), а на первый план выдвигается борьба героини за освобождение мужа, а не за свою реабилитацию. Такой поворот сюжетной линии подсказан именно былиной-сказкой о Ставре и его хитроумной жене. Интересно отметить, что автор «Повести чудной» не был единственным древнерусским книжником, который проникся уважением к умной Василисе. Уже в конце XVII в. жена Ставра приобрела репутацию мудрой, о чем свидетельствует, например, исследованное Л. А. Дмитриевым «Сказание о молодце и девице». В одной из ранних редакций этого памятника молодец, желая польстить своей возлюбленной, говорит: «...а мудрость твоя аки Василисы Ставровы жены

³ Ср.: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897. Т. 1. С. 280; Селиванов Ф. М. Устойчивость и изменчивость образной системы в былине о Ставре Гоодиновиче // Традиции русского фольклора / Под ред. В. П. Аникста. М., 1986. С. 35—43.

⁴ Ср.: «Она всех князей-бояр да всех повыманил, Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет».

Цит. по: Былины / Под ред. В. И. Чичерова. М., 1957, С. 251.

⁵ В повести Будного героиня переодевается в мужское платье, чтобы спасти себя от смерти. Она попадает в Александрию, где под видом юноши Иствана служит султану, а потом случайно встречает и разоблачает своего обидчика. В былинах Василиса одевается «под мужчину», «надевает платье богатое посольское», берет с собой свиту из переодетых девушек (в вариантах самых близких «Повести чудной» 30 «юных девушек» или «триста молодцов»), чтобы спасти мужа.

⁶ Ср.: Толстой Н. И. Из славянских этнокультурных древностей. 1. Оползание и опоясывание храма // Труды по знаковым системам. Тарту, 1987. № 21. С. 74.

Годунова».⁷ Хитрость-мудрость Василисы выдвигают на первый план и авторы древнейших записей былин о Ставре.⁸ Автор «Повести чудной», используя именно этот вариант былины-сказки о Ставре, шел в ногу с другими своими современниками, которые почувствовали обаяние образа Василисы.

⁷ Цит. по: Дмитриев Л. А. Первоначальный вид и время возникновения Сказания о молодце и девице // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 208.

⁸ Ср.: Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.; Л., 1960. С. 198—204.